

Десерты в этой кофейне делал студент факультета дикторского искусства из другого городского вуза по имени Тан Минь. Сунь Цзинь отвечал за кассу, а когда дел становилось слишком много, помогал упаковывать заказы и разносить сладости по столикам.

Хотя он и работал в кондитерской, к сладкому Сунь Цзинь не испытывал ни малейшего интереса: он просто не любил сахар.

Всё из-за того, что когда ему исполнилось восемь, в день его рождения Сунь Сянпин заказал ему торт.

В тот день соседка, пожилая женщина, забрала Сунь Цзиня из школы, пока его мать была на работе. Когда они пришли домой, у двери стоял курьер и говорил, что на имя Сунь Цзиня доставлен десерт.

Это был изящный тортик с маленьким принцем. Сунь Цзинь помнил, что тогда безумно обрадовался и спросил курьера:

— Это мне папа прислал?

Курьер улыбнулся и ответил:

— Не знаю, можешь спросить у своего папы.

Тогда Сунь Цзинь замолчал. Он уже целый год не видел Сунь Сянина и даже бояться упомянуть его имя, потому что мать не желала его слышать.

Но то был день рождения Сунь Цзиня, и получить этот торт оказалось самым удивительным событием за весь день.

Пожалуй, даже за весь год.

Он бережно принёс торт домой и пообещал соседке, что вечером угостит её кусочком.

Сунь Цзинь распаковал коробку и аккуратно вставил свечки. Зажигалку он трогать не стал — посчитал это слишком опасным, решив дождаться мамы.

Он долго смотрел на маленького принца на торте, и его глаза сияли ярким, радостным блеском, совсем как в прежние дни рождения, когда ему казалось, что у него есть абсолютно всё.

Когда мать вернулась домой, Сунь Цзинь уже спал, положив голову на стол. Услышав скрип открывающейся двери, он резко открыл глаза, быстро подбежал к порогу и сказал:

— Мама, ты вернулась.

На лице женщины читалась явная усталость, но в тесной комнатке она мгновенно уловила в воздухе запах сливочного крема. Он резко и чужеродно выделялся среди затхлого, застарелого запаха их жилища.

Она спросила:

— Кто купил тебе этот торт?

Сунь Цзинь ответил:

— Папа.

Воспоминания о том, что было дальше, нахлынули свирепым ураганом, смывая всю радость и все надежды Сунь Цзиня.

Торт полетел на пол. Маленький принц превратился в грязь, а густой, удушливый аромат крема ударил в нос. Сунь Цзинь стоял в самом углу и слушал, как мать сквозь слёзы ругает его за никчемность.

— Я горбачусь на работе из последних сил, а ты ради какого-то торта готов совсем потерять совесть и самоуважение?!

Даже теперь, вспоминая об этом, Сунь Цзинь никак не мог взять в толк, какая вообще связь между тортом и человеческим достоинством в представлении восьмилетнего ребёнка.

Но тогда он просто стоял молча, не проронив ни слезинки и не издав ни звука. Позже, когда мать выбилась из сил от криков, она опустилась на диван, обхватив голову руками и тихо всхлипывая. Тогда Сунь Цзинь взял мусорное ведро и руками сгреб упавший на пол торт, отправляя его в отбросы.

Мать подняла голову, глядя на него воспаленными, красными глазами. Сунь Цзинь посмотрел на свои перепачканные кремом руки, поднёс их к губам и слизал капельку.

Затем он поднял взгляд на мать и произнёс:

— Мама, это невкусно, торт горький.

Мать снова всхлипнула, закрыв глаза руками, чтобы скрыть слёзы, и прошептала:

— Сяо Цзинь, прости меня.

Сунь Цзинь ничего не ответил. Он вымыл руки, взял тряпку и тщательно вытер пол.

Он больше никогда не захочет есть торт. Стоило ему в детстве ощутить этот горький вкус крема, как любые, даже самые соблазнительные сладости навсегда потеряли для него всякую

привлекательность.

Для Сунь Цзиня торт стал чем-то вроде условного рефлекса: когда он испытывал наибольшее предвкушение и радость, на него вылили ушат ледяной воды. Это привело к тому, что у него развилось отторжение и страх перед тем, что делало его счастливым, и он больше не желал с этим сталкиваться.

И во второй раз Сунь Цзинь испытал точно такое же чувство из-за Сунь Синланя, из-за того самого подарка на день рождения.

Когда Сунь Синлань принял подарок, когда Сунь Синлань протянул Сунь Цзиню бумажный пакет, Сунь Цзинь честно признавался себе: тогда он был невероятно, безумно счастлив.

Поэтому, увидев ту кучу изрезанных в лоскуты обрывков ткани и увеличенную распечатку фотографии, Сунь Цзинь в каком-то оцепенении снова вспомнил урок, который преподала ему мать больше десяти лет назад.

Торты, подарки — вещи, изначально символизирующие нечто прекрасное, — родные люди Сунь Цзиня, сперва мать, а затем младший брат, по-своему безжалостно занесли в категорию того, что внушает ужас. Дошло до того, что каждый раз, когда Сунь Цзинь чувствовал себя расслабленно, он подсознательно ждал, что следом на него обрушится какой-нибудь удар.

Фобия ли это, посттравматический синдром или защитный механизм психики — человек всегда инстинктивно ищет способ облегчить свою участь, пусть даже этот способ не слишком научен и не отличается мудростью.

Сунь Цзинь предпочёл бы вечно жить в полумраке под тусклым светом лампы, где невозможно ничего хорошего ни увидеть, ни потрогать, лишь бы не наблюдать воочию, как среди роскоши и блеска подступает беда.

Другие стремятся к свету, а Сунь Цзинь хотел лишь укрыться во тьме.

Потому что тягаться с этим он был не в силах, но спрятаться-то ему было по силам.

Сегодня суббота, погода выдалась на редкость чудесной. Директора на месте не было, и в кондитерской находились только Сунь Цзинь и Тан Минь. Тан Минь был на год младше Сунь Цзиня, он уже сдал экзамен на сертификат помощника кондитера, а его заветной мечтой было получить квалификацию полноценного кондитера до окончания учебы.

Тан Минь был хорош собой, к тому же обладал поставленным голосом студента дикторского факультета — чистым, красивым и невероятно приятным на слух. Многие клиенты приходили сюда только ради него: они сидели в зале, ели сладости и украдкой поглядывали, как он готовит десерты. Даже их неуловимый директор как-то шутил, что кондитерскую стоит переименовать в Очарование и страсть.

Он приобнял Сунь Цзиня за плечи и поддразнил:

— Красавчик, ты у нас воплощение очарования, а Тан Минь — страсти: у одного внешность прекрасна, от другого исходит особый аромат. Сунь Цзинь обычно стоило лишь бросить на него взгляд, как тот мгновенно переставал скалиться и с серьезным видом принимался за обход территории.

Дверь отворилась, приветственный колокольчик издал звонкий сигнал. Сунь Цзинь поднял голову от кассы и по привычке произнес:

— Добро пожаловать.

Его голос дрогнул и затих на последней ноте. Юноша, вошедший в кафе, обнимая свою девушку, взглянул на него без особого удивления, а затем перевел взгляд на меню с десертами, висевшее над стойкой.

После секундного оцепенения Сунь Цзинь снова уставился в экран кассового аппарата, но вдруг почувствовал, что перестал узнавать буквы. Даже привычные кнопки казались чужими, и он не понимал, с чего начать, каждая из них выглядела незнакомой.

Рана на его губе затянулась лишь несколько дней назад — такие повреждения всегда заживают мучительно долго. Стоило съесть что-то соленое, как она начинала неприятно саднить, то затягиваясь, то снова трескаясь. К тому же Сунь Цзинь имел дурную привычку покусывать губы и зачастую даже не замечал, как раздирает рану до крови, приходя в себя лишь тогда, когда чувствовал на языке металлический привкус.

И каждый раз, очнувшись от этого дурмана, он осознавал, что эту позорную и издевательскую рану оставил ему родной брат — Сунь Синлань.

А сейчас Сунь Синлань стоял прямо перед ним, приобнимая за талию хорошенькую девушку. Они смотрелись вместе на редкость гармонично, от обоих веяло той особой юношеской энергией, что присуща старшеклассникам — яркие, приметные, выгодно выделяющиеся в толпе.

— Здравствуйте, что желаете заказать? — спросил Сунь Цзинь, скользнув взглядом мимо Сунь Синлани и посмотрев на девушку. — Подожди, я ещё подумаю, — девушка ткнула Сунь Синланя локтем в бок. — Ты что будешь? Я никак не могу выбрать.

— Всё равно, бери то, что тебе нравится, — равнодушно ответил Сунь Синлань.

— Тогда один манговый блинчик и два макарона, — сделав выбор, девушка подняла голову и с улыбкой спросила Сунь Синланя: — Если я не доем, поможешь?

— Угу, — лениво отозвался Сунь Синлань.

Сунь Цзинь опустил голову, пробивая заказ, и несколько раз чуть не промахнулся по экрану. Наконец, взглянув на итоговую сумму, он произнёс:

— С вас шестьдесят три юаня. Оплата через Alipay или WeChat?

— WeChat, — сказал Сунь Синлань.

— Хорошо, отсканируйте код вот здесь, — Сунь Цзинь ладонью указал на сканер. — Пожалуйста, подождите... Вам с собой или...

— Мы поедим здесь, — перебил его Сунь Синлань.

Слабая надежда Сунь Цзиня на то, что они поскорее уйдут, мгновенно рухнула. Он сухо ответил:

— Хорошо.

За всё это время он ни разу не взглянул на Сунь Синланя. Распечатав чек, он с чувством огромного облегчения повернулся и подошёл к Тан Миню, стоявшему за стеклянной перегородкой:

— Манговый блинчик и макарены.

Тан Минь, взбивавший в этот момент сливки, ответил:

— Макаруны достань сам, а блинчики закончились, сейчас делают свежие. Попроси гостей немного подождать. Сунь Цзинь вышел из подсобки, достал из витрины два макарона и положил их на прилавок:

— Извините, манговый блинчик сейчас готовится, возможно, вам придется немного подождать. Это макароны, можете пока занять столик, чуть позже я вам их принесу.

Девушка уже протягивала руку за макаронами и собиралась что-то сказать, как вдруг подал голос Сунь Синлань:

— Ты что, научился смотреть людям в глаза, когда разговариваешь?

В этот час в пекарне было мало посетителей, и голос Сунь Синланя звучал негромко, но отчетливо. Низкий от природы, в сочетании с чуть презрительным тоном, он казался холодным и равнодушным, отчего Сунь Цзинь едва не затрепетал.

Девушка тоже словно растерялась:

— Синлань, ты чего...

— Ничего, — Сунь Синлань посмотрел на Сунь Цзиня и добавил: — Просто у него такой вид, будто он сотворил какую-то гадость, стало любопытно.

Сунь Цзиню жутко хотелось швырнуть в лицо Сунь Синланю всю банку с трубочками для напитков, что стояла под рукой, но сейчас был вовсе не подходящий момент для открытой конфронтации. К тому же он знал, что одержать верх не удастся: если спорить с сумасшедшим, внакладе останешься только ты сам.

— Прощу прощения, — наконец поднял глаза Сунь Цзинь и посмотрел на Сунь Синланя. — У вас есть еще какие-то пожелания?

Его плечо внезапно потяжелело — Тан Минь встал позади Сунь Цзиня, одной рукой опустившись ему на плечо, а другой пододвигая манговый блинчик к краю прилавка:

— Срочный заказ, манговый блинчик готов, приятного аппетита.

Сунь Цзинь обернулся: Тан Минь с улыбкой смотрел на Сунь Синланя. Хотя он явно выручал Сунь Цзиня, на его лице не было ни заискивания, ни наипускного дружелюбия — лишь открытое и прямое выражение уверенности, исполненное равного достоинства великодушия.

Сунь Синлань безэмоционально встретился с ним взглядом секунд на двенадцать, после чего бросил:

— С собой.

— Да что ты... — возмутилась девушка. — Сначала сам говорил, что будем есть здесь, а теперь передумал.

— Либо ты доедаешь здесь одна, — Сунь Синлань опустил на нее взгляд, произнеся это совершенно ровным голосом, — либо берем с собой.

С этими словами он вытащил руку из объятий девушки и повернулся к выходу.

Девушка еще немного пообижалась на его спину, а затем повернулась к Сунь Цзиню с недовольным лицом:

— Заверните с собой, пожалуйста.

Сунь Цзинь кивнул, быстро упаковал десерт в коробочку и протянул ей.

— Вы знакомы? — спросил Тан Минь, когда они ушли.

— Нет, — ответил Сунь Цзинь.

— Старшеклассник, еще не дорос, характер так себе, — заметил Тан Минь. — Не принимай близко к сердцу.

— И в мыслях не было.

На самом деле Сунь Цзиню очень хотелось сказать, что это было еще самое мягкое проявление характера Сунь Синланя.

Но если бы Сунь Цзинь знал, чем обернется эта снисходительность со стороны Сунь Синланя, он бы в тот самый день, едва заметив его на пороге пекарни, спрятался в подсобке и избежал бы любых возможных встреч и разговоров.